

CULTURAL PARADOXES OF THE LAST CENTURY

Kasumova S.F. (Republic of Azerbaijan)

Email: Kasumova517@scientifictext.ru

Kasumova Sakina Farzali kizi - Doctor of Philosophy in Philology, Associate Professor,

*DEPARTMENT OF INTERRELATED ARTS,
INSTITUTE OF ARCHITECTURE AND ART
NANA AZERBAIJAN.*

BAKU, REPUBLIC OF AZERBAIJAN

Abstract: *it is well known that the epochs of political stagnation and dullness were always golden years for the development of art and science, when out of the chaos of thoughts and feelings that overwhelm a nation, a clear, crystal-like form is first born, capable of serving as an eternal, classical model.*

In all epochs, it was in times of turmoil that nature gave birth to a genius, a kind of Giver, who takes the burden of civilization on his shoulders.

Here, too, the twentieth century was a phenomenon-in spiritual terms, it did not give the world a genius. The twentieth century has become a long and tedious intermission of history, when old ideas fade and fade, and new ones are not born. The twentieth century, neither in painting, nor in music, nor in literature, offered the world a great subject that could captivate a titan, did not contribute to the development of those higher powers of mind and feeling that genius possesses.

Keywords: *art, synthesis, integration.*

КУЛЬТУРНЫЕ ПАРАДОКСЫ МИНУВШЕГО ВЕКА

Касумова С.Ф. (Азербайджанская Республика)

*Касумова Сакина Фарзали кызы - доктор философии по филологии,
доцент,*

*отдел взаимосвязей искусств,
Институт архитектуры и искусства
НАНА Азербайджана.*

г. Баку, Азербайджанская Республика

Аннотация: *известно, что эпохи политического застоя и отупения были всегда золотыми годами для развития искусства и науки, когда из хаоса мыслей и чувств, обуревающих нацию, впервые рождается ясная, кристаллически стройная форма, способная служить вечным, классическим образцом.*

Во все эпохи именно в смутные времена природа рождала гения, своего рода Атланта, принимающего на плечи тяжесть цивилизации.

XX век и здесь явил собой феномен – в духовном плане он не дал миру гения. XX век стал длинным и томительно скучным антрактом истории, когда старые идеи блекнут и линяют, а новые никак не рождаются. XX век ни в живописи, ни в музыке, ни в литературе не предложил миру великого сюжета, способного увлечь титана, не содействовал развитию тех высших сил ума и чувства, которыми обладает гений.

Ключевые слова: искусство, синтез, интеграция.

Известно, что эпохи политического застоя и отупения были всегда золотыми годами для развития искусства и науки, когда из хаоса мыслей и чувств, обуревающих нацию, впервые рождается ясная, кристаллически стройная форма, способная служить вечным, классическим образцом.

Во все эпохи именно в смутные времена природа рождала гения, своего рода Атланта, принимающего на плечи тяжесть цивилизации.

XX век и здесь явил собой феномен – в духовном плане он не дал миру гения. XX век стал длинным и томительно скучным антрактом истории, когда старые идеи блекнут и линяют, а новые никак не рождаются. XX век ни в живописи, ни в музыке, ни в литературе не предложил миру великого сюжета, способного увлечь титана, не содействовал развитию тех высших сил ума и чувства, которыми обладает гений. Лучшие люди, самые умные, самые честные, самые страстные, искали вокруг себя и внутри себя твердую точку опоры и не могли ее найти. Их мучило безверие в самом обширном и глубоком значении этого слова. Они не знали, на что надеяться и чего желать. В этом отношении лучшие люди первой половины XX века были гораздо несчастнее своих предшественников и своих преемников. Предшественники верили в политический переворот, преемники верят в экономическое обновление, а посередине лежит темная трущоба, наполненная разочарованием, сомнением и тревогами. Зная пустоту и бесцветность своего времени, потенциальные и не реализовавшиеся гении дошли до лихорадочной разрушительности и обрели болезненное неверие в собственные силы. Созидательные идеи сменяют мысли апокалиптического толка: «Все потрясены. Все гибнут и все гибнет. Но все это проваливается в пустоту души, которая лишилась древнего содержания» (2,14).

Художественная мысль освоила резкие повороты, синкопические интервалы, скачки из одного поля зрения в другое – искусство XX века стало осваивать основанную на догадках экспрессию переходов. Обрывающиеся линии, сталкивающиеся значения, смещение «группы крови» жанровых форм рождает предчувствие: вот-вот прояснится что-то очень важное, что видит только поэтическая интуиция в безмолвной бездне бытия. Но, увы...

Напряжение лишает искусство гармонии. Позже В.Борхерт и А.Камю будут доказывать своим творчеством, что в XX веке искусство гармонии

возможно, ибо космос и атомные бомбы не обещают уже земле того бессмертия, на котором до сих пор основывались представления о гармонии.

Наша современность, время, в которое живет художник – вот где надо искать истоки этого расслаивающегося напряжения. Величественный смысл исторического процесса и жалкая временность человеческого существования – такова шкала колебаний художественной мысли.

Для гения время и вечность существуют врозь, равно пустые: время бессмысленно, ибо судит обо всем с точки зрения вечности. Вечность бессодержательна, ибо жизнь протекает только во времени, - и в эти «короткие сеансы бытия» остается скучать, старательно расточать время, тягостно ощущая его кажущийся неизбывный запас, дурную бесконечность впереди. Таким образом, многие великие умы искусственно парализовали и оскопили свою деятельность.

Отсутствие четкого синтаксиса, регулирующего развитие литературы, привело к атрофии жанрового чувства. Новаторское искусство принялось разрушать традиции, идея о вулканичности творчества породила в соответствии с теорией атома образ как «вихрь энергии». Однако вскоре отсутствие классических форм привело литературу к аморфности. Вслед за эрозией формы началась эрозия духовного начала. В эпоху технической цивилизации искусство слова стало постепенно осознавать, что человек не может полноценно жить без духовных ценностей, что только познание и осмысление этих ценностей составляет тот пласт духовности, который формирует личность. Можно, конечно, жить в душной комнате, тюрьме, можно жить при полном бездействии мысли, но можно ли? «если малярия и сухотка могут произойти от голода, а тифозные болезни от испорченного воздуха, то точно так же от бездействия мысли может произойти идиотизм, в большей части случаев соединенный с размягчением мозга» (3; 460).

Симптоматичным отражением упадка, который наблюдался в искусстве Запада после того как отшумели бурные водовороты искусства начала XX столетия, стал неоклассицизм, постулирующий искусство как вечный круг известных форм, где не может быть ничего существенного нового, ибо любой художник лишь «обкрадывает» свои первоисточники. Противостоя бунту авангардистов, неоклассицизм вытеснил шизофреническую личность, предложив стоящему меж двух мировых войн человеку XX века видение ясности и гармонии, однако и сюда донесся грохот рушащихся социальных систем и моральных норм. Это заметно и в классическом рисунке Пикассо, и в музыке Стравинского, и в чистейшей ахматовской лирике, где видно дисгармоничное существование мира. Особенно четко душевный диссонанс заметен в творчестве Г.Джавида. Индивидуальность его духа, универсализм мышления, стремление охватить бытие во всей его полное, в его конечности и бесконечности сблизило художественное

творчество этого поэта с философией. Это был новый тип поэта, такого самоуглубления, такого культа внутреннего мира не знала литературная современность. Такой замкнутый характер духовного развития Джавида привел его к социальному и психологическому одиночеству. В нравственном мире есть два рода гениев: одни рождаются для всех веков и народов и постигают сущность искусства, другие потому только гении, что являются вовремя. Произведения первых вечны, вторых временны. Джавиду не повезло. Он роился и жил в период жесточайшего давления государства на культуру, регламентации духовной деятельности, он жил в стране, бедной проявлениями идеального. В этой клетке он питался быть «синтезатором», объединителем видимых ему крупниц истины, беспристрастно оценивающим все и вся, верховным жрецом вселенской правды. Это стремление обладать всей полнотой истины зачастую приводило его к эклектизму. Он не успел избавиться от этого порока, и хотя ему дано было познать наслаждение самозабвенным творческим трудом, он до дна испил чашу горечи, поднесенную ему судьбой. Он был именно тем человеком, который являл собой некоторый quantum, и понимающий, и думающий, и болеющий, слишком яркий для своего бесцветного времени. Он был той закваской, которая рано или поздно заквасила бы тесто азербайджанской и, может быть, мировой литературы. Но сильные мира сего готовили пирог из теста пресного и, выказав презрение к закваске, они неординарную, мятущуюся личность уничтожили физически. Судьба Джавида – страшная судьба, где налицо звенящее напряжение между лаконичной, изящной литературной формой и разрушающимися формами мира. И снова к свободе и духовности провидческого лиризма примешался мятежный голос тревоги и безнадежности.

В современной литературе уставшие от сомнений стареющие «метры» стремятся к покою, а молодые выходят на литературную арену без бунтарского азарта, но с прочным запасом цинизма. Современные писатели уже не так уверены в силе собственной оригинальности. В характерном для нашего мышления стремлении к системе не нашлось соединительной связи для отдельных автономных единиц неожиданного поэтического видения, все еще встречающегося в современной литературе. «Я» стало условной фигурой, лишь варьирующей универсальные литературные мотивы. Сегодня творящая личность понимает себя как homo scribens, пишущего профессионала. И уже художник, как герой драмы Ю.Грушаса «Тайна Адомаса Брунзы», спорит сам с собой: может ли он, пылинка, вошь на теле мира, отвечать за историю, которая толкает его то в те, то в другие двери. Так рождаются герои, в длинной веренице переживаний которых нет строгой логики и последовательности, им свойственна духовная аморфность и непричастность к высшей правде. Рука гения этих произведений не коснулась, поскольку у авторов их силы

были, но не было простора, ибо «гении идут своей дорогой, не обращая никакого внимания на мимолетные фантазии общества» (1; 153).

Итак, даже очень талантливые писатели XX века были в литературе всего лишь камер-юнкерами, недотягивающими до «блаженства безумия».

Когда творческую самостоятельность зарабатываешь кровью, ценой каких-то жертв – этических и прочих, это все потом отзывается. Талантливый человек всегда в чем-то ущербен, и именно XX век удачно совместил гения и злодейство. Этически неменяемый научный гений XX века смог расщепить атом, создал немыслимые оружия уничтожения и не дал этому духовного противоядия. Скажем в истории России XIX века, был полюс декабризма, попытка социального взрыва, и был полюс Пушкина – попытка загнать эти проблемы внутрь себя, и тогда шла душа на разрыв, ибо «сердце поэта – центр мира, как же не быть ему в наше время разорванным?» (Г. Гейне). За легкость пера Пушкин заплатил тяжелой, тягостную, гадкую цену. Но мир получил гения.

Смешавшись с толпой, живя на аукционе готовых ответов, где кто-то торгует, а кто-то политиканствует, что, впрочем, сейчас одно и то же, «гений» вопросов не задает, а копит их в себе, и во всем этом есть надрыв, внутреннее потрясение, опасность превратиться в потенциального самоубийцу. А если гибнет личность, то «что стоит мир ее созданий, ее отпечатков, кристаллизованных в культуре?» (5; 217).

Список литературы / References

1. Писарев Д.И. Литературная критика. В 3-х т. Л., Худ.лит., 1981. Т. 2.
2. Розанов В. Избр. Munchen, 1970. С. 444. Цит. Под горизонты культуры. Вып. 1. С-Петербург, 1992.
3. Одоевский В.Ф. Музыкально-литературное наследие. М.: Музгиз, 1956.
4. Аннинский Л. Свобода, которую получают. Лит. Учебник, 1990. кн. 5.
5. Федотов Г. Эсхатология и культура. В сб.: Горизонты культуры.